

Пара бумажных салфеток не могла очистить лицо Ли Чжи, густо измазанное кремом, как не могла перечеркнуть и недавнюю стычку с Чжоу Баюем — пусть даже тот измывался над ним в одностороннем порядке.

Прибежавшая на шум Ван Сяочунь первым делом увидела сына: Ли Чжи, сам еще не успев отмыться, ползал по полу и пытался оттереть крем. Лишь затем ее взгляд упал на замерших в стороне подростков, которые держались на редкость невозмутимо.

Цоканье каблучков заставило подростков обернуться. Чжоу Баюй лениво вскинул глаза, задержав взгляд на руке женщины, собственнически обхватившей локоть Чжоу Госюна.

Он закатил глаза и снова уткнулся в экран мобильного, в то время как Хань Цзыяо счел нужным вежливо поздороваться:

— Дядя Чжоу.

Чжоу Госюн кивнул в ответ. На его лице застыло подобие улыбки, но натянутые уголки губ выдавали, что хозяин дома сейчас далеко не в духе.

Ван Сяочунь тут же выпустила руку мужа и кинулась к своему бесхребетному сыну. Кое-как подняв Ли Чжи с колен, она силой подтолкнула его вперед:

— Ли Чжи, ну же, назови его папой!

Ли Чжи нехотя поднял голову. Перед ним стоял Чжоу Госюн — его биологический отец, в котором, впрочем, не угадывалось ни единой родственной черты.

Чжоу Госюн являл собой безупречный образ успешного мужчины: волосы аккуратно уложены воском, дорогой итальянский костюм индивидуального пошива сидит как влитой, осанка прямая и гордая.

Ли Чжи разомкнул губы, пытаясь выдавить заветное слово, но стоило Чжоу Госюну брезгливо нахмуриться и отступить на шаг назад, как звук застрял в горле. В глазах мужчины читалось глубокое, нескрываемое разочарование.

И Чжоу Госюн действительно был разочарован. Гордец и сноб, привыкший мнить себя исключительным, он искренне верил, что его продолжение должно быть безупречным во всем.

А это жалкое, лишенное всякого благородства существо перед ним? Щуплый, нескладный замарашка со склеенными сладким кремом волосами — и это сын Чжоу Госюна? Быть не может.

Однако официальный отчет о тесте на отцовство сухими цифрами подтверждал: этот мальчик — его плоть и кровь.

Картина никак не вязалась с теми дифирамбами, что пела Ван Сяочунь. Долгожданная встреча отца и сына, которая в теории должна была стать трогательным семейным воссоединением, обернулась фарсом. Высокомерный Чжоу Госюн не испытывал к стоящему перед ним оборвышу ничего, кроме брезгливости.

Ван Сяочунь мгновенно уловила перемену в настроении сожителя. Разозлившись, она с силой шлепнула сына по спине:

— Ли Чжи! Да на кого ты похож! Во что ты себя превратил?!

Ли Чжи лишь крепче закусил нижнюю губу, чувствуя, как к глазам подступают горькие слезы.

Он не смел и слова сказать в свое оправдание, но кое-кто молчать не собирался. Чжоу Баюй наконец соизволил отложить телефон и протянул развязно:

— Тетя Ван... Вообще-то это моих рук дело. Что ж вы у меня не спросите, почему он такой?

Поскольку Ван Сяочунь еще не стала законной хозяйкой дома, идти на открытый конфликт со старшим наследником ей не хотелось. С трудом подавив подступивший гнев, она спросила как можно мягче:

— Баюй, но зачем ты так с ним?

Чжоу Баюй резко поднялся. Одним молниеносным движением он схватил со стеклянного столика стакан и плеснул водой прямо в лицо Ван Сяочунь:

— Да кто ты такая, блять, чтобы звать меня по имени?! Зачем я это сделал? Ладно, сейчас объясню...

— Да потому что мне тошно! Точно смотреть на тебя, а от твоего ублюдка меня вообще наизнанку выворачивает! Так понятно?!

Окаченная холодной водой Ван Сяочунь опешила. Не успела она сорваться на крик, как Чжоу Госюн тяжело заговорил первым. Сдвинув брови, он зловеще процедил:

— Чжоу Баюй, ты что себе позволяешь?! Живо извинись перед тетей!

— Извиниться? Перед ней?! Да скажите спасибо, что я ей башку не прострелил, твари

бесстыжей! — Юноша яростно сплюнул на пол и с неприкрытой злобой добавил: — Старая вешалка, решила, что на старости лет в приличное общество выбьется? Губу закатай, сука, ты как была дешевкой, так ей и останешься!

Все, что происходило дальше, стерлось из памяти Ли Чжи, оставив лишь смазанные обрывки воспоминаний.

В памяти запечатлелся лишь жуткий хаос: разгневанный Чжоу Госюн влепил старшему сыну пару увесистых оплеух; Хань Цзыяо, воспользовавшись моментом, потихоньку ретировался, а Баюй, даже получив по лицу, не затыкался, продолжая осыпать Ван Сяочунь площадной бранью.

— Закрой свой рот! — кричала в ответ Ван Сяочунь. — Я знать не знала, что твой отец женат!

— Да плевать мне, знала ты или нет! — орал в ответ Баюй. — Факт есть факт — ты подстилка! А таким тварям гореть в аду, чтоб вас молнией на месте пришибло!

— Хватит! — не выдержав, гаркнул Чжоу Госюн. — Кто еще хоть слово вякнет — вылетит из дома к чертовой матери!

Повернувшись к замершему Ли Чжи, он брезгливо бросил:

— Пусть дворецкий отведет тебя в душ и найдет чистую одежду. На кого ты похож...

Его брезгливость не нужно было даже угадывать — она так и сквозила в каждом жесте.

Ли Чжи почувствовал, как к горлу подкатывает горький ком. Пусть он и не питал к отцу сыновней любви, столь откровенное пренебрежение при первой же встрече больно ранило его.

После того дня Ли Чжи с матерью окончательно перебрались в особняк.

И хотя Чжоу Госюн так и не полюбил младшего сына, чувства к его матери оказались сильнее старых обид. Он твердо вознамерился жениться на Ван Сяочунь, и никакие показательные концерты Чжоу Баюя не могли его остановить.

Ближе к концу лета они расписались. Свадьбу сыграли скромную — для обоих брак был вторым, так что лишний шум устраивать не стали. Ван Сяочунь не роптала: само по себе замужество уже было для нее величайшей победой.

Едва заполучив заветное кольцо, новоиспеченная госпожа Чжоу принялась методично капать мужу на мозги насчет будущего своего сына. Она постоянно заговаривала то о смене фамилии для Ли Чжи, то о переводе в элитную школу. Дело в том, что сразу после свадьбы Чжоу Госюн

устроил мальчика в обычную государственную школу неподалеку, но Ван Сяочунь спала и видела, как ее ребенок учится в том же частном лицее, что и Чжоу Баюй.

В остальном Чжоу Госюн потакал жене во всем, но едва заходила речь о ее сыне, он мастерски уклонялся от прямого ответа.

Мужчина всей душой радел за первенца и видел в нем единственного наследника семейного дела. Позволить бастарду взять свою фамилию означало пустить его к разделу семейного пирога, чего Госюн делать не собирался.

Да и насчет перевода у него было свое мнение:

— В частной школе он просто не потянет программу. Пусть учится в государственной, тем более у Средней школы X отличная репутация.

Поняв, что мужа не переубедить, Ван Сяочунь отступилась. Но это было лишь временное затишье.

Женщина была убеждена: муж пренебрегает Ли Чжи лишь потому, что при первой встрече тот выставил себя полным ничтожеством. Стоит изменить это впечатление — и все наладится само собой.

Но как заставить Чжоу Госюна изменить свое мнение? Ответ лежал на поверхности: после каникул Ли Чжи шел в выпускной класс, а значит, впереди его ждало первое серьезное испытание — выпускные экзамены.

— Если ты сдашь экзамены на высший балл и заставишь отца гордиться тобой, все решится само собой. Постарайся ради меня, ты меня слышишь? — ежедневно вдалбливала она сыну.

Разве мог Ли Чжи ответить иначе? Он лишь покорно кивал, и тогда мать смягчалась, ласково трепля его по плечу:

— Хороший мальчик.

От этого жеста Ли Чжи невольно втягивал голову в плечи — у него выработался стойкий рефлекс: если рука матери поднимается, значит, сейчас последует удар. В доме Чжоу Госюн относился к новой жене вполне сносно, но Чжоу Баюй не упускал ни единой возможности превратить ее жизнь в ад.

Баюй учился в пансионе и появлялся в особняке только по выходным. Но едва наступала суббота, Ван Сяочунь закипала от злости, а расплачиваться за ее испорченное настроение приходилось Ли Чжи.

Мать срывала на нем всю злобу, которую копила против заносчивого пасынка.

В особняке она уже не избивала его с прежним яростным безумием — все-таки боялась привлечь лишнее внимание. Теперь в ход шли лишь оскорбления да звонкие пощечины.

Удары ладонью почти не причиняли боли, но когда тебя бьют изо дня в день, воля ломается. Ли Чжи все глубже увязал в рабской покорности, а его плечи ссутуливались все сильнее.

Прежде он еще пытался уворачиваться и прятаться, но со временем перестал. Разум и тело просто онемели, привыкнув к неизбежному.

В такие моменты Ван Сяочунь превращалась в типичную авторитарную мать. Обнимая его после очередной вспышки гнева, она говорила:

— Бьет — значит любит, глупенький. Я ведь только добра тебе желаю. Все нормальные родители наказывают детей, а кто этого не делает — просто балует их на погибель!

Ли Чжи не смел перечить ей и даже не держал зла. Он слишком хорошо знал, что мать не умеет сдерживать свои порывы, да и таблетки, которые она тайком принимала в спальне, говорили сами за себя.

Ему оставалось лишь без конца твердить себе: «Мама желает мне добра, мама меня любит». Ван Сяочунь ценила покладистость сына, но ее до безумия раздражала его тупость — к наукам у мальчика не было ровно никаких способностей.

Она поставила перед ним одну-единственную цель: превзойти Чжоу Баюя. Но легко сказать — превзойти!

Старший сын Чжоу с пеленок получал элитное образование, свободно болтал на английском как на родном. Разве мог соревноваться с ним Ли Чжи, выросший в зачуханном пригородном поселке?

При этом Ли Чжи не был глупым. В прежней школе он твердо держался в первой десятке класса, а после перевода опустился чуть ниже середины. Но средний уровень казался Ван Сяочунь непростительной серостью. Смириться с этим она не могла.

Мать принялась забивать его расписание бесконечными репетиторами и курсами. Выходные превратились в сплошной ад:

С восьми утра до полудня он корпел над математикой и родным языком в учебном центре. С часу до половины четвертого занимался естественными науками на дому у школьного преподавателя. С четырех до шести мчался на английский. Вечером, едва успев проглотить ужин, отправлялся к другому учителю заниматься математикой до девяти вечера.

Суббота ничем не отличалась от воскресенья. И каждый из наставников нагружал его своими заданиями: то разобрать тест, то решить контрольную. Плюс домашняя работа для школы. Раньше двух часов ночи Ли Чжи спать не ложился.

Но сработал закон обратного действия. Бешеная нагрузка не только не подняла успеваемость, но и окончательно погубила средний балл. Мальчик выбился из сил. На уроках он сидел как в тумане, не соображая абсолютно ничего, а по ночам тихо плакал от изнеможения.

Разве программа средней школы была такой уж непостижимой? Будь у него время перевести дух, он бы без труда подтянул предметы. Но у него не получалось даже сосредоточиться.

Выходные, предназначенные для отдыха и радости, стали для него самым страшным кошмаром.

Глупый Ли Чжи поначалу даже радовался, что постоянно пропадает вне дома — так он хотя бы реже сталкивался с Чжоу Баюем. Какой же наивный! Он и не заметил, как из одного ада шагнул в другой.

Хронический недосып вел к провалам на уроках, провалы — к новым побоям дома. Замкнутый круг замкнулся. В конце первого полугодия Ли Чжи принес домой табель с такими кошмарными оценками, что сам не поверил своим глазам.

Ван Сяочунь затрясло от ярости. Позабыв обо всех предосторожностях, она сорвалась на безумный крик, схватила тяжелую туфлю и швырнула ее прямо в сына.

Увесистый массивный каблук с силой пришелся по руке. Ли Чжи вскрикнул, решив, что ему переломали кость.

Не помня себя от ярости, Ван Сяочунь налетела на него, осыпая ударами. От бесконечных пощечин у Ли Чжи загудело в ушах, мир вокруг зашатался, а по верхней губе поползла горячая липкая струйка.

Он судорожно провел пальцами под носом — вся ладонь оказалась багровой.

Захлебываясь рыданиями, он бросился наутек, но в скользких домашних тапочках удержать равновесие не удалось. Ли Чжи со всего маху растянулся на полу, а его очки отлетели прямо к входной двери.

На то, чтобы встать, сил уже не было. Он пополз на животе, отчаянно вытягивая руку вперед. Но стоило его пальцам почти коснуться дужки, как входная дверь распахнулась. Тяжелая белоснежная кроссовка из лимитированной серии опустилась прямо на очки, едва не раздавив его собственные пальцы.

Ли Чжи с трудом поднял взгляд, чтобы посмотреть на незваного гостя. Это лицо он видел лишь раз в жизни, но забыть его было невозможно.

Перед ним стоял Чу Минчжан.

Уже много позже Ли Чжи осознает: у Чу Минчжана была какая-то сверхъестественная способность оказываться рядом в самые позорные, самые горькие минуты его жизни.

Каждый раз. Неизменно, как по расписанию.

<http://bllate.org/book/20441/2106318>